

В.Г.Короленко

Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды

 Книга: В.Г.Короленко. Собрание сочинений. Том 2. Повести и рассказы
 Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1954
Взято с сайта: <http://textsharik.narod.ru/>

Подготовка текста и примечания: С.Л.КОРОЛЕНКО и Н.В.КОРОЛЕНКО-ЛЯХОВИЧ

I

В то время Рим вознесся могуществом над всеми народами, а его владычество простерлось от края до края земли.

В Европе римляне победили галлов и крепких телом германцев и бриттов, огражденных, кроме океана, еще стеною, и горную Испанию, охваченную морями. А также Греция и народы, живущие около Понта, и многие другие признали власть орла.

В Африке от Столпов Геркулеса и до Черного моря, Карфаген и бесчисленные эфиопы подчинились силе оружия и обязались поставлять запасы, которыми в течение восьми месяцев питался римский народ.

В Азии пятьдесят городов поклонялись правителю Рима, глядя на дикторские пучки, окружавшие консулов. {Прим. стр. 216}

Египет и Аравия, народы Индии и мидяне, и парфяне, и гордые киринеяне, ведущие свой род от лакедемонян. и мармаридяне, и страшные сиртяне, и насамоны, и мавры, и нумидяне и многие другие народы, сложив оружие, склонились под ярмо и трепетали... Трепетали уже не перед мечом завоевателей, но перед пучками дикторских розог, которые напоминали народам об их постыдном рабстве.

Стихло сопротивление захвату, руки борцов упали в бессилии смерти, смежились очи, обращавшиеся к свободе, смолкли голоса, звучавшие призывом к защите... Над затихшим в ужасе миром взвился римский орел, и владычество Рима легло над поработенной землей...

И мир на время наступил в мире. Но он нес с собою не процветание, а зло. Не маслина цвела на ниве жизни, а волчец и терн, потому что нива жизни поливалась не благодатным дождем, а кровавым потом рабства, и над землею от края до края стоял стон угнетенных...

И гордый Рим питался плодами рабства, как орел-стервятник питается падалью; от этих плодов яд разливался в народе, которым прежде всего отравились правители.

Первые кесари, встречая отпор и сопротивление народов, еще не забывших свободу, часто вспоминали о благоразумии; мерами кротости привлекали они тех, чьи руки могли еще мечами защищать вольность; под цветами человеколюбия скрывали они цепи рабства, чтобы не вызывать в гордых сынах свободы - желания смерти в бою.

И потому, завоевав Иудею, они оставили народу отеческие законы и веру в Единого, и собственное правление. А вторгаться воинам в пределы храма запретили под страхом смерти.

Но вот клики борьбы за свободу повсюду стихли, пало сопротивление насилию завоевателей, мир склонился в изнеможении, кой-где только в бессилии потрясая цепями. И так шли годы. Римляне привыкали повелевать, мир привыкал повиноваться. В сердце Рима росло высокомерие и гордость. Он думал: "Кто посягнет ныне на мое владычество?" И отвечал: "Никто". А в остальном мире рабство укореняло привычки страха и низкого преклонения.

И Рим в безмолвии общего рабства рычал на вселенную, как хищный лев ночью среди ливийской пустыни. А вселенная, как пустыня, со страхом внимала рычанию насильника, помня страдания отцов, но забывши их доблесть.

И по мере того как в народах смолкало святое чувство гнева, - в Риме терялась мера благоразумия.

После кесарей Юлия и Августа воцарился свирепый Тиверий, а за ним Кай - безумец, мечтавший о том, чтобы обезглавить вселенную в лице самого Рима. И, наконец, после слабоумного Клавдия, - жесточайший из людей Нерон попирает законы бога и природы с высоты кесарского престола, на виду у вселенной. "На вершине горы поставил он ложе разврата", смеялся над добродетелью и кровью невинных напоил содрогавшуюся землю...

В Иудее же не было давно ни кроткого Петрония, ни даже Пилата, который некогда вынес из священного города знамена с изображением кесаря, чтобы не оскорбить народного чувства. Но Албин, правитель, человек алчный и жестокий, подобный разбойнику, свирепствовал над беззащитными, так что не было